

Владимир Блецко

Элиминация

фантастическая
повесть

16+

Владимир Блецко

Элиминация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43268228

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03430-3

Аннотация

Фантастическое произведение о том, как природа может создать вариант страшного суда над человечеством в уже сформированной цивилизации. Кто останется жить, а кто погибнет?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
Эмбрион	8
I	8
II	10
III	12
IV	15
V	20
VI	25
Часть вторая	28
Теория	28
I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

«Привет,
И нет уносящих вперед ветрами
Достойных тебя запутанных слов
Моими губами, смолчу.
Возьми
Израненный камень,
Он грудь мою тянет, он грудь мою жжёт,
Прорастая цветами любви»
Влад Тень

Вечер застал господина Каригубого в гостях. Гостем-то, в сущности, и был господин Каригубов, но он этого не подозревал – ему сказали, что «в гости идём», он и пошёл. «Сказали» или даже правильней будет «сказала» ему супруга, которую он немного побаивался, потому, как не помнил где и когда, да и зачем в принципе её приобрёл, «Наверняка за бесценок»– приходило подчас на ум несравненному Ивану Осиповичу, как по батюшке величали, правда, не все, Каригубова. Так вот сидел в гостях Иван Осипович и слушал...

– Вы не представляете, – говорила Инна Арнольдовна, милейшая дама лет эдак пятидесяти пяти, но умело скрывающая свой возраст под личиной сорока девяти летней, что,

впрочем, никого не волновало и даже не воодушевляло на большее, а ведь Инна Арнольдовна была не замужем! И ей явно не по нутру приходилось невниманием мужской половины, поэтому она чаще всего и говорила, вероятно, надеясь очаровать эту мужскую половину своим умом, Впрочем, весьма незаурядным. – Да! Вы не представляете до чего может дойти человек в своей похоти! Вот возьмите меня, – она слегка замялась, по-видимому, представив на мгновение, что её уже кто-то взял, но тут же с возмущением отсутствия данного факта, продолжала надеющаяся дама. – Я, пока ещё была девушкой, никому не позволяла сказать себе о любви! Это так вульгарно – слышать из уст нахально разнузданных молодых людей признания, о которых они не имеют ни малейшего представления! И, ведь представьте, практически все встречаемые мной в то время молодые люди были именно такими. А сейчас – святое дело, – все стали такими обходительными со мной. Вот, к примеру, Василий...

– Это какой? – пробасила соседка, которая по годам могла бы, и даже сгодились бы, стать матерью самой Инне Арнольдовне, если бы у той оной не было.

– Ах, Вы будто не знаете! – возмущённо вскинула бровями рассказчица. – Не племянник ли он Вам?

– Васька, что ль? Тот – племянник, да. Грубиян ещё тот, – басок ровно и разрушающе проплыл в воздухе, но ударившись о броню Инны Арнольдовны, сдулся.

– Как Вы можете, Татьяна Михайловна! И не стыдно Вам?

Человек, можно сказать только паузу в культурном обществе держать научился, а Вы! – возмущалась защитница неведомого и большей части гостей незнакомого племянника. – Я, и только я видела его хорошие стороны! Он мне и «голубушка» и «тётушка» и чёрт знает что наговаривает! Мне в жизни никто столько нежных слов не сказал!

– И не мудрено: «крокодил после операционного вмешательства», – вплыл в ухо Ивана Осиповича мягкий голос супруги, заставив того нетерпеливо дёрнуться. Смолчав в ответ на это, пусть даже уместное, замечание жены, Иван Осипович впился глазами в Инну Арнольдовну, пытаясь припомнить её фамилию, что смутно торчала где-то между племянником Забойниковым и самой Татьяной Михайловной Лопуховой. «Вспомнил!» – вздрогнул Каригубов. – «Как у них всех фамилии то схожи!» – удивился он про себя. – «Это ж надо жить под такими одинаковыми фамилиями – Забойников, Лопухова и Трубочкина – премилая компания! Вот чёрт, я же нить разговора теряю!» – и, прекратив мыслить, Иван Осипович опять прислушался.

– Ещё когда я была девственницей, – заливалась Инна Арнольдовна, пять бокалов вина явно действовали на неё вдохновляюще. – Я знала, он придёт, он заберёт меня в рай неведомый и прекрасный, где я буду вечно царствовать, сидя...

– На его шее, – опять шепнула жена Каригубова на ухо супругу, сбив настройку на разговор. Он не мог не улыбнуться на замечание жены, но всё же строго зашуршал в ответ.

– Милая, тебе не стыдно?

– Это тебе должно быть стыдно слушать весь этот бред, улыбнулась супруга и, хитро прищурившись, показала один из немногих интимных жестов, которые часто, так некстати, используют семейные пары, намекая на более интересное времяпрепровождение. Иван Осипович незаметно, но с достоинством, показал жене язык и вновь обернулся к престарелым дамам, но к своему сожалению убедился, что Инна Арнольдовна, запрокинув подбородок, похрапывает, сидя на стуле, прямо за праздничным столом.

Часть первая

Эмбрион

I

Когда я был мальчиком, Сологуб мне сказал:

– Ваня, ты слишком много времени проводишь за книгами. Поверь, чтение добра не принесёт! И когда-нибудь ты выраешь большую, глубокую яму, сбросишь туда всю свою литературу, уляжешься сверху и попросишь меня, своего единственного друга: «Давай, Сологубушка!», и я возьму лопату и начну кидать на тебя сверху землю сырую и калёные камни, и похороню тебя вместе с твоими книгами заживо! – при этих словах, Сологуб, мой дядя, смахивал с глаз несуществующую слезу и дико хохотал мне в лицо, так, что становилось жутко. Я плакал, бил его руками и ногами, а он заливался пуще прежнего, норовя приблизить свой раззявленный смеющийся рот поближе к моей перекошенной злобой и страхом физиономии. Это продолжалось, как мне казалось, веками, пока меня истеричного, в полуобморочном состоянии не отрывали от дяди, кололи что-то в руку и укладывали в постель. Причём, Сологуб заглядывал в проём для меж-

комнатной двери, и, пока никто не видел его подглядываний, строил мне ужасные рожи, грозил глазами, пальцами, казалось, даже нос его угрожающе вытягивался по направлению ко мне, смешно фыркая. К этому времени я уже смеялся, не обращая внимания на боль в груди и горле, приходящую пост эффектом после обильных слёз.

Меня всегда удивляло, почему Сологуб живёт с нами, но не ест за нашим столом. Мне не нравилась его способность проходить сквозь стены, окна, и вообще он был какой-то несерьёзный и расплывчатый, разговаривал только со мной, а мама уверяла, что ни у неё, ни у папы нет брата с таким диким именем, но я-то знал, что они меня обманывали. Я к тому времени был уже достаточно взрослый...

По утрам к Сологубу присоединялась красивая фиолетовая кошка. Мяукать она не умела, но прыгать и фыркать любила, когда ей что-то не нравилось. Ещё она умела исчезать. Мне нравилось гладить её, я занимался этим часами, даже, когда родители входили ко мне в комнату и что-то говорили, я их не слышал. Я раскачивался из стороны в сторону, мычал, размеренно гладил свою или, лучше сказать, Сологубовскую, кошку и медитировал, призывая в свидетели всех святых, которых я мог запросто назвать по памяти. Они, святые, приходили, смотрели на мои успехи, дивились и радовались. Так что могу с уверенностью утверждать – я никогда не скучал. Скука наступала редко. Обычно на шею. Она при-

давливала мою шею ногой к полу и, презрительно изогнув губы, шипела, спрашивая: «Как дела?» Я, задыхаясь, вырывался и сквозь бьющую изо рта пену хрипел в ответ: «Нормально! Пусти, скука!» То, что это скука, я знал точно, она сама мне сказала, когда пришла в первый раз. Слава Богу, она не так назойлива и приходит крайне редко, но даже редкие посещения приносят мне неприятности – мои родители думают, что я умею материться. Я однажды слышал, как мама сказала папе:

– Первый раз вижу, чтобы Дауны матерились!

Дауном ласково называют меня все.

II

Смех смехом, но отдали меня в довольно странную школу. Сологуб присутствовал на уроках, мешал, как обычно, мне сосредоточиться и раздражал меня своим неуместным присутствием, как и сотни других дядь и тёть, присутствующих со своими племянниками, моими одноклассниками, тут же. Мне это однозначно не понравилось, что я и выразил новым для себя способом – закричал. Я держал «ля» первой октавы с небольшими интервалами для набора воздуха и надеялся на поддержку сверстников по классу, но они оказались натуральными отморозками, даже не обратив внимания на мой звучный протест. Когда прошло пару часов, и никто не со-

изволил присоединиться, я замолчал, обидевшись.

Закрыв глаза, Сологуб сунул мне в руки мою кошку, и медитация помогла мне отключиться от всего происходящего вокруг – я заснул. Полностью.

* * * * *

Проснувшись, я обнаружил себя в довольно странном положении, лучше выразиться – состоянии: тело грузным коконом давило на маленькое «я», заключённое внутри, и, хотя я сидел, скрючившись в необычном кресле, мне было довольно неудобно. Руки не слушались, как если бы на каждую по самое плечо надели нарукавнички, пусть из самого лёгкого, но металла, внутри ворочались, как тонюсенькие змейки мои собственные силы, то же самое касалось ног, головы и прочей моей телесной амуниции. Страх перерос в ужас, когда между ног я почувствовал вместо привычных нескольких граммов вес немного солидней. «Пухну!» – подумал я и вскочил, вернее, хотел вскочить, да видимо не подрассчитал силёнок – подпрыгнул и рухнул. Лежу, а возле глаз рука моя, волосатая только. Странно, очень странно, ведь я ещё маленький – семь лет всего. И я заорал:

– Сологу-уб! – и тут же закрыл рот, были бы конечности в силе, ещё и ладонью бы рот прикрыл – что за дела, если маленький мальчик вопит сочным баритоном с хрипотцой. «Умер!» – мелькнуло в мозгу. Вбежал в комнату какой-то дядька в бело-голубом халате и я, с удивлением от самого себя, обратился к нему:

– Что же Вы, Валерий Евпатьевич, за больными так худо ухаживаете? Обидно, прямо! – тут же закусил зубами язык, чтобы ещё чего не соврать. И скис. Врач зеленеющими губами произнёс:

– Как же, как же... Помню ещё в сорок пятом..., – больше ничего не сказал. Просто поднял взор к потолку белоснежному и вышел. Да, трудновато мне будет, ребёнку! Уж эти взрослые.

Умывальник стоял в двух шагах от кресла-кровати. Я, с трудом встав, глаза с невообразимой высоты, дополз до этого чуда современной техники и, не смотрясь в зеркало, висящее над ним, начал умываться. Прикосновение к лицу стало последней каплей, и я, не перекрестившись, посмотрел на своё отражение. Лучше бы я перекрестился, но не стал смотреть. На меня смотрело ёжиком колючее лицо 30-35 летнего мужчины. Тогда я сел под раковину и заревел. Потом, одумавшись, прекратил бессмысленный рёв и принялся тихо плакать.

III

Родители слегка нервничали. Мать истерично смеялась, размазывая слёзы по ещё недавно таким красивым щекам, а бледнеющий папаша пытался урезонить малыша, который вопил и недвусмысленно требовал титьку.

– Сынок, в двенадцать лет дети не сосут! – приговаривал

он, привязывая руки ребёнка к ногам, аккуратно и нежно, чтобы не давило на шею. Папе было плохо, он давно уже ничего не ел – в одиночестве питаться не интересно, да и из солидарности приходилось терпеть – жене было не до того.

– Говорю тебе, давай отдадим его в психушку, – объяснял он супруге. – Подлечат, и вернётся к нам тот спокойный, умный Даун, который не корчит из себя новорожденного! – папа слегка психованно тряс ладонями перед шмыгающим носом жены, умоляюще складывал их, ладони, и так, и сяк, и даже бывало, что влажный нос залитой слезами женщины оказывался между этими ладонями, но, не имея возможности в такие моменты вздохнуть, та вырывала голову, отрицательно мычала и тряслась, тряслась...

Отец затихал, вешал, в свою очередь уже, нос, и тоже, пошмыгивая, уползал куда-нибудь – благо был продвинутый мужчина в смысле отдыха от дремучих проблем – возвращался с более спокойными нервами, веселыми глазами, напевая разнообразные оптимистические мотивчики, вроде: «В одном из недобитых фильмов Федерико Феллини...», пытаясь приспособить их, мотивчики, к своему настроению, что у него, впрочем, неплохо получалось.

В это время маленький Иван дёргался, пытаясь распутаться, и наполнял дом различными приглушёнными звуками.

* * * * *

Прошло шесть лет. Подросший и окрепший юноша лежал в кровати и агукал. Мама смирилась и, лёжа рядом, корми-

ла его из бутылочки молочной смесью. Вполне вероятно, ей даже нравилось такое положение – рожать других она наотрез отказалась и проводила всё своё время рядом с 70-ти килограммовым Ванечкой, отпаивая его смесью из бутылочки и, ради разнообразия, дополнительно подкармливая из маленькой ложечки разными молочными кашками витаминизированными, минерализованными, напитанными разными полезными добавками. Всю остальную пищу «малыш» старательно отрыгивал, причём делал это мастерски, «по взрослому» тужась и пыжась. Когда не помогало, он начинал сосать пальцы, и, если бы кто-нибудь внимательно понаблюдал за его действиями, то заметил бы, как Ванюша щекочет пальцами, средним и указательным, во рту своё горло, пока спазмы не вывернут всё содержимое юного, не приспособленного к такой пище желудка. Так что от твёрдой и мягкой сытной пищи пришлось отказаться из боязни, что в один из прекрасных дней ребёнок задохнётся, переусердствовав с хитрыми манипуляциями.

Папаша, увидев такой оборот дела, заявил:

– Ну что же, я не против нововведений! – и, недолго думая, стал принимать пищу непосредственно внутривенно. Приобрёл стоечку, системки, и по утрам перед работой, по вечерам – после, полёживал под бутылочкой, не утруждая себя жеванием, глотанием и перевариванием, иногда только, видимо тоже для разнообразия, жевал бутерброды с люби-

мыми продуктами, чтобы не останавливать работу желудка, кишечника и прочей внутриутробной органики.

Жена одобрительно посматривала на мужа, неоднократно повторяя:

– Вот и зубки у нас теперь всегда в порядке будут. Хорошо! – Её не удивляло, что муж, прежде чем принять дозу питательной жидкости, что-то там ещё кипятит в ложечке и шприцем загоняет приготовленное под крышечку бутылки, растворяя это что-то в своих завтраках, обедах и ужинах, приговаривая: «А вот так будет совсем здорово! Вот так будет замечательно! На-и-за-ме-ча-тель-ней-ше!»

IV

В один чудесный вечер, кстати сказать, вечер действительно был чудесный – канун рождественской ночи – Ванюшу никак не могли успокоить, он и так умолкал с большим трудом, а тут его красногубая сирена не затихала ни на секунду. Лицо большого младенца сначала покраснело, потом побурело, и к часам одиннадцати вечера приобрело синюшный оттенок, но орал он всё также смачно, будто бы упиваясь своими возможностями. Ужас заключался в том, что голос уже приобретал грубые мужские интонации, а постоянные вечерние, утренние и все остальные прочие, без определенного времени суток, концерты поднимали развитие лёгких, не испорченных курением и тому подобной гадостью, до нево-

образимых высот. Словом, родители под рождество имели возможность упиться во всех красках и прелестях рёвом быка в предсмертной агонии, если бы кто решился убивать быка не привычным способом – одним в лоб, другим по горлу, – а каким-нибудь экстравагантным, вычурным, вроде не изжившей ещё себя испанской корриды.

Мать, в наушниках с умиротворяющей музыкой, которую она использовала ранее при любой возможности помедитировать и раскрыть свои чакры, лежала рядом с Ваней на 2-х местном ложе (супруг уже давно спал на диване, правда иногда почему-то засыпал или просыпался в детской комнате, на деревянной кровати, которой до 7 лет пользовался сам Ваня, и которому потом рост уже не позволил ей пользоваться). Так вот, мать лежала рядом со своим чадом и время от времени морщилась – красивая расслабляющая музыка не заглушала рёв дитятка, а лишь обволакивала, смешивалась с рёвом, но медитация, тем не менее, давала свои плоды. В глазах у матери стояла прекрасная картина под трагическим названием: «Умиравший сильный бык в крови на поляне в лесу». Через какое-то время бык издал последние агонизирующие ноты и сдох. Но, по-видимому, не совсем. Немного полежав мёртвым, он поднял голову, удивлённо осмотрелся вокруг, встал, встряхнул головой и медленно побрёл в чащу леса. Сквозь удивление мама прислушалась – рёва действительно не было, а это значило лишь одно – сын утомился и уснул. То, что бык ушёл в лес, значило нечто другое – то,

что спала она сама.

Мать оказалась права лишь наполовину – спала она, а Ваня молчал, но его состояние с трудом можно было обозначить словом «сон», он находился в особом состоянии возвращения, в своём обычном, если учесть последние годы, состоянии.

* * * * *

Осип сквозь дрему слушал. После принятия «пищи» он вообще любил прислушиваться. Главе семейства шевелиться не хотелось, говорить тем более, а уж глаза открывать расценивалось совсем, как нечеловеческое усилие, даже насилие над своим организмом, поэтому Осипу и оставалось только слушать. Ещё Осип любил думать.

«Какая восхитительная конечность тела – ухо!» – думалось ему в такие моменты. – «Лежал бы себе и слушал! Интересно, почему говорят «слушал», а не «слухал»? Видимо ошиблись глупые филологи. Надо будет написать куда-нибудь. Надо будет написать куда-нибудь. Надо будет написать... А! Да, надо будет написать! Надо же так ладно думать!.. Я – филолог... Кричи, Ваня, кричи. Я – философ! Интересно, конечность ли ухо? Нет, все должны помнить, что ухо – орган, орган слуха, поэтому и нужно не слушать, а слухать! Заснул что ли?.. Молодец, Ваня, спи, малыш», – и отец, несмотря на грубость содеянного и нежелание совершать какие либо действия, потянулся с хрустом и удовольствием, свернулся калачиком и задремал, лёжа на тяжёлом и

мягком диване. Мысли перестали обретать какую-либо форму и вязались, вязались на спицах мироздания одна за одной без всякого смысла, что, вероятно, очень полезно отражалось на работе мозга со столь философским складом мышления.

* * * * *

Совсем внезапно, после получасовой тишины, в квартире Каригубовых раздался женский вопль. Осип вскочил, туго соображая, что кроме его жены кричать некому, и галопом поскакал в спальню. Сделал бессмысленный кружок по кухне, спринтерски преодолел коридор и, наконец, прибыв, куда следовало, он увидел странную картину: жена ногами отбивалась от ног сына, который змеёй, и, если отталкиваться от этого пресмыкающегося представителя фауны планеты, хвостом вперёд полз к ней, в данном случае роль хвоста играли Ванюшины конечности-ноги. Интереснее всего, что в процессе этого действия Ванюша сохранял гробовое молчание.

– Что случилось? – заорал Осип, потеряв внезапно способность двигаться и чтобы хоть как-то нарушить гротескную тишину странной картины представшей перед ним.

– Фаза рождения, – провыла жена. – Ты же помнишь, он вернулся в детство? Теперь он хочет вернуться в меня!

«Возвращение-3» – новый, остросюжетный фильм ужасов, события которого стремительно развиваются в квартире Каригубовых, в немыслимой последовательности! Такого вы ещё не видели! Спешите! Осталось всего несколько минут

до финала!» – промелькнул в мозгу Осипа рекламный ролик, произнесённый чьим-то странным издевательским голосом. Он вернул отцу столь необычного ребёнка возможность действовать. Члены Осипа напряглись, мускулы вздулись, и герой-отец метнулся неуловимым движением к телефонному аппарату и ожесточенно набрал номер! Через пару секунд его решительный писклявый голос давал указания кому-то на другом конце линии. Потом Осип с видом победителя бросил трубку в никуда и с презрительным выражением на лице вернулся в комнату, где за его отсутствие ничего не изменилось, правда, жена уже была почти в дверях, всё ещё отползая от Ванечки, не догадавшись в шоковом состоянии принять вертикальное положение – можно было бы просто спокойно отходить, ведь сын нечеловеческими усилиями и, еще более нечеловеческими движениями, продолжал попытку достичь своей цели.

«Окати сына водой!» – кто-то твёрдо приказал Осипу, произнеся фразу глубоко в голове всё тем же язвительным голосом. «Показалось!» – подумал Осип, но непроизвольно повернулся и бросился в ванную комнату, моментально набрал ведро тёплой воды – не думал отец о сыне, просто с двух кранов быстрее получилось набрать. Он выскочил в коридор, увидел уже под ногами свою жену, по инерции выплеснул куда-то за неё содержимое ведёрка и, выплеснув, замер, как будто истощил все свои возможности на подвиги последних секунд. Замер и сын, лишь коснулась живительная влага его

тела. Только жена по инерции всё ползла и ползла куда-то..., но вскоре замерла и она. Тихо стало в квартире Каригубовых.

V

Тишина продолжалась пять-семь минут. Синей птицей пролетел звонок по квартире, выведя из оцепенения взрослую половину населения, точнее, половину взрослого населения Каригубовых, потому что женщина только вздрогнула и продолжила пребывать в бессознательном состоянии, детская же часть осталась лежать неподвижно-скрючено-сопящей в луже остывающей воды.

Осип рванулся к дверям, ему вообще в этот прекрасный праздничный рождественский вечер приходилось всё делать порывисто и быстро, в отличие от его обычного состояния, и в этом новом амплуа он чувствовал себя кометой в открытом космосе. Даже, если кто спросил бы его супругу, не видела ли она хвоста, развевающегося позади мужа, вероятно, она и припомнила бы нечто похожее, даже если бы была в сознании, но, увы, никто из посетителей не догадался задать бедной женщине этот невинный вопрос, посетители пришли действовать, действовать и действовать!

Итак, Каригубов-старший открыл дверь и увидел на пороге дюжего медицинского сотрудника, почему-то с чёрной милицейской дубинкой в руках. Из-за плеча этого молодца вы-

глядывало около полудюжины сотрудников помельче. «Пятеро», – пересчитав, отметил для себя Осип. Дюжий сотрудник просипел:

– Псих?

– Там, – в тон ему ответил папаша и указал рукой по направлению коридора в спальню. Сотрудники мелкими частыми шажочками проскакали мимо хозяина и остановились возле супруги Каригубова, лежащей к ним поближе, вопросительно обернулись на Осипа.

– Дальше, – кивнул тот. Группа пропрыгала в том же темпе до Ванюши, свернувшегося в позе эмбриона, и остановилась, вновь косясь на хозяина квартиры. Получив подтверждение, верзила приподнял голову Вани и коротким ударом чёрной дубинки по темени огрел юношу, сопровождая действие словами:

– На всякий случай! – сотрудники накинули на ребёнка смирительную рубашку, бережно положили его на носилки и выбежали за дверь. Верзила, проходя мимо госпожи Каригубовой, спросил:

– С этой всё в порядке или тоже успокоительное прописать?

– Всё хорошо, правда, – пробормотал Осип.

– Уверен? – поинтересовался ещё раз, видимо для пущей уверенности, заботливый врач.

– Уверяю Вас, причин для беспокойства нет никаких, так что спасибо за всё и... До свидания! – вдруг твёрдо и уве-

рительно скороговоркой пропел Осип, беря «гостя» за локоть и выпроваживая за дверь. – Я зайду на днях, может даже завтра, если нужно будет, где расписаться, описать течение болезни, документально подтвердить, поговорить с лечащим врачом и тому подобное. Видите, жене плохо? Я зайду, зайду.

Остановившись в дверях, «врач» подозрительно нахмурился вдруг, обернулся, осматривая Осипа.

– Что? – выдавил из себя хозяин.

– Да вот смотрю, бледный Вы какой-то и размышляю...

– Нет, нет! Успокойтесь, не размышляйте, всё нормально. Я слишком возбуждён от всего произошедшего?

– Интересно, очень интересно. Возбуждены, говорите? Вы довольно забавная особь..., – окончания Осип не услышал, шагнув назад и резко захлопнув дверь перед носом столь ответственного сотрудника. Немного успокоившись и придерживаясь одной рукой за стену, другой держа на почти остановившемся почему-то сердце, Осип, было, двинулся по направлению к лежащей супруге, как в дверь кто-то осторожно постучал.

– Нет! – заорал хозяин. – Сейчас, сейчас! Сейчас я тебе открою! Подожди, – он рванул на кухню, схватил подвернувшийся под руку топор и кинулся открывать. – Частное владение! – проорал Осип, срывая замок, распахнул дверь и всадил топор в косяк, всего на миллиметр промазав мимо черепной коробки старушки-соседки смотрящей на него с яв-

ным недоумением.

– Я тут соли хотела попросить, Осипушка, – прокряхтела она.

– Нет соли, нет! И сахара нет! И хлеба, и... чего там ещё тебе надо, ведьма старая? А? Ничего нет! Ни-че-го! – визгливо закончил хозяин, вырывая заклинивший топор из дверного косяка.

– Так мне что, у кого другого идти просить? – удивилась соседка и добавила скромненько, участливо, – Ругаетесь, да? Дверь захлопнулась.

– Нету, видно и впрямь, соли, – старушка перекрестилась и пошла обратно к себе домой, еле слышно шаркая тапочками.

Осип, наконец, добравшись до своей жены, наклонился над ней и убедился, что его супруга всё ещё без сознания. «Хорошо!» – подумал он. «Спокойно!» – ещё раз подумал он. Принёс воды, окропил лицо жены, позвал:

– Валя! Валя, очнись. Валя! – супруга зашевелилась, открыла глаза, огляделась, схватив мужа за руку.

– Где Иван? – спросила.

– Увезли Ивана, – Осип отвернул от неё своё лицо, тут же намокшее от слёз.

– Неправда! Я его чувствую! Вот здесь! – жена погладила рукой, вдруг ставший быстро набухать, живот

– Здесь? Честно? – Осип утёр глаза, радостно смотря на что-то надувающееся под платьем жены, умилённо бор-

мотал. – Радость-то, какая! Радость-то! Какая... Какая радость? – вдруг взвизгнул он. – Ну-ка спусти это немедленно! Ты что, с дуба рухнула? Я ж врачам отдал!

– Кого? – испугалась жена.

– Кого, кого! Ваню! Кого же ещё?

– Да здесь он! Вот потрогай, – она схватила руку Осипа и попыталась положить себе на живот. Муж вырвался.

– Нет, не бывать этому! Его забрали врачи, понимаешь? – резковато, но нежно принялся втолковывать жене Осип. – Валя, ну не путай ты меня! Я же всё видел собственными глазами!

– Ничего ты не видел, ясно? – спутница жизни, решительно схватив мужа за руку, приложила его ладонь к своему животу. – Слушай! Слышишь?

– Слышу, – поник Осип. – Это Ваня, – обречённо пояснил он сам себе и тут же, закатив глаза, грохнулся на пол рядом с женой. Через пару минут с опрысканным водой лицом, он всё же пришёл в себя, и первым делом спросил. – Ты врачей видела?

– Нет.

– А я видел! Белые такие, как ангелы. Особенно один: высокий, сильный, с пылающим мечом. Добрый, у-ух! Обо всех хотел позаботиться. – Осип завздыхал, лёжа головой на руках у жены. Устроился поудобнее и ехидненько поинтересовался. – И как же мне объяснить это всё?

– Сон, милый. Просто, сон.

Осип удовлетворённо зевнул.

— Сон, значит? А я-то думал... — жена гладила его по волосам, стало хорошо, спокойно. — А дуб? Дуб-то был? — вдруг занервничал снова Осип.

— А как же! Конечно, был. Высо-окий. Я ещё с него рухнула, забыл что ли? Ты спи, хороший мой, спи, родной. — Осип, более уже ни в чём не сомневаясь, уснул.

VI

На следующий день Осип, наблюдая томно-ленивые движения своей беременной жены, радовался, сам не зная чему. Как всякий молодой отец, он скакал вокруг своей супруги, как козлик по весне восторженно, услужливо, и заботливо старался разделить бремя тяжести, работая по дому за двоих, а то и втихаря пытаюсь самостоятельно, конечно не показывая своей второй половине, что он что-то там старается и справляется сам. Не хотелось ему так же давать ей задуматься о своём положении, почувствовать себя «не у дел домашних», поэтому тактичность оставалась в голове мужа первым правилом.

Так вот, когда Осип носился в фартучке от плиты к утюгу, конечно, не попадаясь при этом на глаза жене, ещё «не дай Бог, что подумает!», раздался звонок в дверь.

— Гости! — обрадовался Каригубов и бросился отворять дверь.

На пороге стояли малознакомые люди – не совсем знакомые, но кого-то смутно напоминающие хозяину квартиры...

– А! Ангелы! – завопил радостно Осип. – Из сна! Милости просим, заходите! Будьте, как дома! – радушнее хозяйна медицина не встречала за всё время своего существования вообще, но на этот раз мед-персонал не воспользовался гостеприимством хозяина, а жалобно во все пять глоток запричитал:

– Это не мы, мы не виноваты! Вы же видели, что это всё товарищ Лапочкин учудил. Мы совершенно тут не причём, у нас дети! Ваш в коме, но наши то бегают! Что с нами будет? – хором закончили пять белоснежных и красноносых от волнения и уличного мороза ангелов.

– Какой товарищ Лапочкин? О чём это Вы? – удивился Осип. – Какая кома? И что же это Вы без старшего своего прилетели? – вспомнив, что во сне чуть не набросился на «старшего» с топором, Каригубов с отчаянием во взоре обратился к медикам. – Обиделся, да? Расстроился, да? Валя! – вспомнив про жену, вскричал Осип. – Валя! Иди сюда быстрее, ангелы из сна прилетели! Иди, поздоровайся, а то они влетать к нам в квартиру отказываются. Сама убедишься – есть они! Тут они! Хорошие! – он нежно улыбался опешившим гостям.

– Сколько их? – слышался из спальни комнаты голос жены.

– Если у меня от радости в глазах не троится, то ровно

пять ангелочков! — ответил Осип, пересчитав стоящих в дверях для приличия и точности, добавил, вздохнув. — Сподобил Господь!

Конец первой части.

Часть вторая

Теория

I

Я проснулся заново.

Взгляд тот же, но привычные очертания носа выглядят иначе. Хотя я всегда знал, что косить глазами нехорошо, первым делом принялся косить к центру – любопытно. Откуда я вообще опять взялся? Ощущения не очень отчего-то. Руки не поднимаются, ноги прилипли к поверхности мягкой, сами мягкие. Раздражение от всего: от деревянной спины, за-костеневших щёк и ровной пульсации по площади, которую я отчего-то не особо воспринимаю – большевата. О! Мир уменьшился! точно! На лице мочалка. Что они вообще со мной делали? А мир жалко – большой мне нравился. А вдруг я в него не помещусь? Хотя помещаюсь, вроде. Надо как-то подняться. Не по себе... Наверно ещё не до конца проснулся. Интересно, почему моя комната не со мной? Это не моя комната. Это комната не была моей. Моя ли эта комната сейчас? Почему комната, которая не моя, находится вокруг меня, включая меня в свою площадь? Сколько вопросов при

пробуждении... Я обычно проще ко всему отношусь. Но не сейчас. Как относиться ко всему опять проще? Почему я не прост? Я всегда был прост. Я был простейшим? Откуда я знаю про простейших? О, чёрт возьми, мне поменяли мозг! Это всё объясняет. А может и меня поменяли? Нет, вроде тот же самый, только уже не простейший. Скорее, более похож на настоящего млекопитающего! М-да...

Как тихо-то вокруг. Совсем прям тихо. Прям вокруг! Нет, по периметру комнаты не моей. Только стрелка часов плавно жужжит. Шесть... Я умею определять время? Шесть утра или вечера? Наверно, не умею. Откуда-то цифры, правда, знаю. Наверно приснились. Обучение во сне – штука мало изученная. Гипнопедия, если не ошибаюсь. Зачем было учить меня во сне определять время, ума не приложу. Видимо, кто-то ставил на мне эксперименты. Безумные медики. Крыс им мало!

За стенами какая-то возня происходит, кто-то живёт... Странная штука – жизнь! Ты не отвечаешь ни за какие функции, ни за какие действия от самого рождения. Ты можешь планировать, но мгновенно меняешь планы в зависимости от ситуации. Ты безумная составляющая безумия всеокружающего хаоса, пытающегося упорядочить свою бесконечную природу в маленькие отрезки контролируемого существования... А-аа! Это не мой мозг. Это не мой мозг. Это умный мозг. Это странный мозг! Заберите этот мозг, Вы перепута-

ли мой мозг с каким-то чужим мозгом, когда я посыпался! Стоп! Мне поменяли голову! точно! Я не вижу радугу, когда желаю! Желаю видеть радугу! Сологуб! А, его нет, это была проекция больного воображения, нянька чёрного мессии рода человеческого. То есть... Меня? А моя кошка? Спать. Срочно! Точно. Сплю.

* * * * *

Чёрт! ничего не изменилось. Видимо сплю до сих пор. Время – шесть ноль пять. Либо я в продолжении сна над собой издеваюсь, либо выспался и это не сон. А мочалка на лице? Чешется же подбородок и щеки деревянные чешутся. Забыл – мне же голову поменяли! Шея не болит, впрочем. Должна болеть, раз голову поменяли – место среза хотя бы. О, это же невозможно! Или возможно? Тайные разработки? Эксперименты под грифом "секретно"? Что о них известно? Опять вопросы... А может я стал умнее себя? Взял и стал! Чем я хуже себя? Не могу я, что ли, стать умным? Может, у меня позднее развитие или резкий скачок когнитивного развития, и случайным образом мгновенно сформировано представление о реальности в её практическом воплощении вокруг. Думаю, моё понимание реальности было не вполне осознанным вне плоскости точных понятий и определений фактического положения вещей, с наложением выдуманного мира, для более простого и удобного, ребенку с нарушенными функциями восприятия, существования в нём. До сегодняшнего дня. Сейчас я мыслю точно, чётко, логически.

Строю умозаключения, с упором на факты, о которых понятия не имел, но знаю, что выводы правильны. Даже доволен собой в какой-то мере. К дьяволу сон, надо проверить свои способности в полном объеме! Для начала решить вопрос с ощущением мелкого мира. Ну и пошевелиться для начала. Вырос! Закоулки преисподней – я вырос! Я взрослый самец мужского пола, половозрелый гомо сапиенс. Да, мочалка, это – борода. Вот тебе и восемьдесят четвертый круг ада – лёг спать ребенком, проснулся 32-х летним мужчиной. Если быть точнее, мой возраст 32 года 7 месяцев, 14 дней и 8 часов. Вот это здорово – мои внутренние часы знают скорость старения моего организма до минуты! Или не здорово? А так вообще бывает? Нет, до сегодняшнего дня данного факта наукой не было зафиксировано. Я – уникал! Сам себя не назовешь красиво – никто не назовёт. Хех. Куда же я столько своих лет дел? Кома... Грустно. Вышедший из комы девственник 32-х лет. Хотя... Ни ошибок молодости, ни гиперсексуальности и беспорядочных связей, помутнения рассудка влюбленности, ни брака на фоне бесполезной привитой обществом ответственности мне не помешают быть полноценным человеком сейчас. Это плюс. Я – идеальный экземпляр с превосходным здоровьем и не обременённый политической ложных ценностей. Остаться бы таким навсегда! Параллельно со мной мыслит второе я. Надо отменить одного из нас. Отключусь и очнусь заново. Пуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.